

**ПРИШЕЛЬЦЫ
НИОТКУДА**

*Непревзойденным мастерам,
Рони-старшему и Герберту Уэллсу, и тем,
кто когда-нибудь придет им на смену*

Предупреждение

Эта история является чистым вымыслом и никоим образом не выражает научные, политические или религиозные взгляды автора. Любые совпадения имен или портретных черт с реальными людьми случайны.

Часть первая

ПРИШЕЛЬЦЫ

Пролог

В то мартовское утро 197... года я позвонил в дверь моего старого друга доктора Клера, разумеется даже не подозревая, что вскоре услышу фантастический и невероятный рассказ. Я говорю «старого друга» (пусть нам обоим лишь недавно пошел четвертый десяток), так как мы дружим с детства и только года четыре назад как-то потеряли один другого из виду.

Дверь открыла, вернее, чуть приоткрыла старуха в черном платье, какие носят все пожилые женщины в этих краях.

— Если вы на прием, — проворчала она, — то доктор сегодня не принимает, — возится со своими «опытами»!

Будучи прекрасным врачом, Клер, однако, почти не практиковал. Благодаря весьма значительному состоянию он мог себе позволить большую часть своего времени посвящать сложным биологическим изысканиям. Его лаборатория, оборудованная в отцовском доме близ Руффиньяка, по отзывам бывавших в ней иностранных ученых, являлась одной из лучших в мире. Не любивший распространяться о своих исследованиях, Клер лишь вскользь упоминал о них в редких письмах ко мне, но, по слухам, ходившим среди медиков, я знал, что он был одним из тех рассеянных по всему миру энтузиастов, которые уже близки к разрешению проблемы рака.

Старуха рассматривала меня с недоверием.

— Нет, врачебная помощь мне не нужна, — ответил я. — Просто скажите доктору, что его хотел бы видеть Франк Борі.

— А, так, значит, вы и будете мсье Бори? Это другое дело. Он вас ждет.

В это время из глубины коридора послышался глубокий, низкий голос:

— Ну что там, Мадлен? Кого еще принесло?

— Это я, Сева!

— Входи же, черт побери!

От своей матери, русской эмигрантки, Клер унаследовал шляпинский бас, статную фигуру сибирского казака и имя Всеволод; от отца, чистокровного перигорца, ему достались смуглая кожа и темные волосы, принесшие ему, в нашей группе студентов, прозвище «Клер-Обскур»¹.

Он подскочил ко мне в два широченных шага, едва не вывихнул мне кисть могучим рукопожатием, заставил согнуться чуть ли не вдвое добродушным шлепком по плечу — это меня-то, некогда игравшего «столба» в регби! — и, вместо того чтобы, как обычно, сразу же провести к себе в кабинет, почему-то потащил обратно к двери.

— Какой прекрасный день! — торжественно провозгласил он. — Солнце сияет, да и ты приехал! По правде сказать, я ждал тебя только вечером, с автобусом...

— Я на машине. Но может, я тебя от чего-то отрываю?..

— Что ты, что ты, вовсе нет! Безумно рад тебя видеть. Как сам-то? И что с вашей новой батареей?

— Тсс... это же тайна! Сам ведь знаешь, я не могу об этом рассказывать.

— Ну конечно-конечно, таинственный атомщик! Кстати, благодарю вас за вашу последнюю посылку с радиоактивными изотопами. Они сослужили мне добрую службу. Но больше я не стану морочить вам голову подобными просьбами. У меня есть кое-что получше.

— Получше? — удивился я. — И что же?

— Тсс... это же тайна! — передразнил он меня. — Я не могу об этом рассказывать!

В коридоре, позади нас, послышались легкие шаги, и мне показалось, что за полуотворенной дверью мелькнул тонкий женский силуэт. Однако же, насколько я знал, Клер был холост и ни с какой женщиной не встречался.

Он, вероятно, уловил мой взгляд, потому что тут же обхватил меня руками за плечи и повернул спиной к двери.

— В любом случае, ты совсем не изменился! Все такой же... Ну что ж, пойдем в дом!

— А я вот не могу ответить тем же комплиментом. Что-то ты постарел, дружище!

¹ Французское *clair* можно перевести как «свет», «светлый»; *obscur* означает «темный». Следовательно, *Clair-Obscur* означает «Темный Свет» или, применительно к фамилии героя, «Темный Клер».

— Хм... возможно, возможно... Давай входи первым!

Я хорошо знал кабинет Клера со шкапами, полными книг, из которых лишь немногие имели отношение к медицине. Там никого не было, но в воздухе чувствовался слабый тонкий аромат. Невольно я потянул носом, вдыхая приятный запах. Клер это заметил и объяснил, предупреждая вопросы:

— Да, несколько дней назад у меня тут была одна знаменитая актриса — просто приходила на прием! — и запах ее духов все еще держится. Поразительно, до чего дошла химия!

Завязался беспорядочный, как всегда в таких случаях, разговор о том о сем. Я рассказал Клеру о смерти моей матери и был поражен, когда услышал в ответ:

— Вот как? Очень хорошо!

— Как это — очень хорошо? — воскликнул я, возмущенный и огорченный.

— Да нет, я хочу сказать: теперь я понимаю, почему ты столько времени не давал о себе знать. Стало быть, ты остался совсем один?

— Ну да.

— Что ж, возможно, я смогу предложить тебе кое-что интересное. Но пока это лишь проект. Я расскажу о нем вечером.

— А как там твоя лаборатория? Что нового?

— Хочешь взглянуть? Идем!

Лаборатория — оборудованная уже после того, как я побывал там четыре года тому назад, — располагалась в просторной прямоугольной комнате со стеклянными стенами и занимала всю заднюю половину дома. Остановившись на пороге, я присвистнул от восхищения. Затем обвел помещение взглядом, заметив мимоходом микроманипулятор, искусственное сердце. В прилегающей темной комнате высился огромный рентгеновский аппарат. Посреди лаборатории, на столе, под легким чехлом скрывался еще какой-то прибор.

— А там что такое? — спросил я.

— Да так, ерунда. Все никак не доведу до ума. Пока это еще просто модель...

— Не знал, что ты сам собираешь для себя новые приборы. Хочешь, помогу? Как-никак я все-таки физик.

— Посмотрим. Не сейчас — позднее. Пока что я предпочитаю об этом не распространяться.

— Ну ладно, — произнес я с некоторой обидой. — Но если эта штука вон взорвется у тебя под носом...

Закончить фразу мне не позволил звонок во входную дверь.

— Черт! Мадлен вышла, придется открыть.

Оставшись один, я подошел к таинственному прибору, слегка приподнял чехол... И обомлел. Передо мной была не черновая заготовка, которую я ожидал увидеть, а восхитительная конструкция из стеклянных и металлических трубок, прозрачных и матовых ламп, туго натянутых проводов. На многочисленных циферблатах странные двойные стрелки указывали на деления, о значении которых я не смог догадаться. Я был привычен к всевозможным научным приборам — мы и сами пользуемся ими в нашей лаборатории, и довольно-таки сложными, — но ничего подобного я в жизни не видел.

Заслышав в коридоре быстрые шаги друга, я поспешно опустил край чехла и, приняв безразличный вид, стал рассеянно рассматривать зеленевший за окном сад.

— Дифтерия у ребенка, — объяснил Клер. — Моего коллеги не оказалось на месте. Придется скатать мне. Возьми какую-нибудь книжку у меня в кабинете, посиди почитай.

— Хочешь, я тебя отвезу? Моя машина — прямо у дверей.

— Давай. А то мою еще надо выводить из гаража.

Ведя автомобиль, я продолжал размышлять обо всех замеченных мной странностях. Клер ожидал меня только к вечеру и явно смутился, когда я приехал раньше. С пару минут он продержал меня на пороге дома, хотя снаружи было свежо, пусть уже и не морозно. Я заметил женский силуэт, мелькнувший в коридоре, и сразу же после этого Клер провел меня в дом. Узнав, что моя мать умерла и теперь я совершенно один на всем белом свете, он явно обрадовался. Наконец, этот странный прибор... Хоть убейте, но я абсолютно не понимал его назначения!.. Но главное, где этот прибор находился — в лаборатории биолога! Неужели Клер сам его изобрел? Вполне возможно. Но кто же тогда его собрал? Вспомнив те схемы, которые он собирал и паял в институте, еще на подготовительных курсах, я не удержался от улыбки.

Мы остановились перед какой-то фермой. Клер отсутствовал всего лишь с четверть часа.

— Пустяки. Успел вовремя. За дальнейшим лечением проследит мой коллега.

— Ты теперь совсем не практикуешь?

— Совсем. Нет времени. Только когда доктор Готье в отъезде или если я нужен ему для консилиума.

По возвращении Клер заставил меня загнать машину в гараж и помог занести чемоданы в комнату, где я обычно останавливался. Она была расположена рядом с его собственной спальней, и, когда мы проходили мимо его двери, мне показалось, что я услышал за ней легкий шум.

Полдник, приготовленный его старой кормилицей Мадлен, оказался, как всегда, превосходным, но Клер был не слишком разговорчивым. Его определенно что-то беспокоило; казалось, он хочет чем-то со мной поделиться, но никак не может решиться. Когда я объявил, что днем собираюсь съездить в Эйзи и навестить друзей, он вздохнул с явным облегчением и сказал, что будет ждать меня к семи вечера.

В Эйзи я заскочил к палеонтологу Бушару, который поведал мне странную историю. Полгода назад вся округа была взбудоражена «чертями», появившимися в лесу под Руффиньяком. Прошел даже слух, что эти черти утащили с собой доктора Клера, но слух этот явно был кем-то выдуман — через несколько дней после того, как черти исчезли «в столбе зеленого пламени», доктор объявился живой и невредимый. Он безвылазно просидел эти два дня в своей лаборатории, проводя очередной опыт.

Что касается чертей, то самым любопытным во всей этой истории было вот что: по крайней мере полтора десятка крестьян заявляли, будто видели их собственными глазами — черти походили на людей, но обладали сверхъестественной способностью пригвоздить человека к месту одним взглядом. Префект, а также епископ Перигорийский распорядились, каждый по своей линии, провести расследование, но перед официальными следователями крестьяне держались уже не так уверенно. В конечном счете дело заглохло.

— И однако, — добавил Бушар, — должен сказать вам, что в ту ночь, когда пресловутые черти, как говорят, исчезли, я сам видел в небе над Руффиньяком столб зеленого пламени.

Сама по себе эта история была ничем не примечательна — мы то и дело слышим десятки подобных рассказов, — но я почему-то мысленно связал ее со странностями Клера.

Когда я вернулся, Клер выглядел уже гораздо более спокойным, словно после долгих колебаний принял наконец определенное решение. Стол в столовой был накрыт на троих.

— Ты что, ждешь еще кого-то? — заметил я.

— Нет, но я намерен представить тебя моей жене.

— Твоей жене? Так ты женился?

А про себя подумал: «Так вот что это за силуэт!»

— Официально мы еще не женаты. Но за этим дело не станет... Вот только документы получим. Ульна — иностранка.

На мгновение он замялся.

— Она — скандинавка. Финка. Так что предупреждаю: по-французски она говорит еще очень плохо.

— Стало быть, ты говоришь по-фински? Вот так новость!

— Я выучил этот язык в прошлом году, во время путешествия по Финляндии. Пробыл там десять месяцев. Я думал, что писал тебе.

— Да нет, не писал... Но я всегда почему-то думал, что финский язык очень трудный...

— Так оно и есть. Однако, знаешь ли, славянская кровь... — И он громко позвал: — Ульна!

Вошла странная худощавая девушка: высокая, с бледно-золотыми волосами, глазами неопределенного цвета — нельзя было сказать, серые они, голубые или зеленые, — и правильными чертами лица. Очень красивая, но в ней было что-то необычное, хотя я не мог понять, что именно. Возможно, золотистая кожа, так резко контрастирующая со светлыми волосами? Или неправдоподобно маленький рот? Или чрезвычайно большие глаза? Или все вместе?

Она грациозно поклонилась и протянула мне руку, которая оказалась мне необычайно длинной, а затем очень низким, но певучим голосом произнесла несколько слов.

За столом я сидел напротив нее. Чем дольше я за ней наблюдал, тем больше мне становилось не по себе. С ножом и вилкой она управлялась весьма ловко, но без бессознательного автоматизма, который вырабатывается многолетней привычкой.

На протяжении ужина я в основном молчал — за всех говорил Клер. Старушка Мадлен была редкостной поварихой даже для этого края, где хороших кухарок — пруд пруди. Мой друг практически опустошил свой винный погреб, но я заметил, что Ульна ела очень мало и совсем не пила — в отличие от доктора, да и, должен признать, от меня самого.

К концу ужина мне все же удалось совладать со сковывавшим, буквально парализовавшим меня смущением. Ульна все время молчала, но время от времени смотрела Клеру прямо в глаза, и у меня даже возникло странное впечатление, что так, посредством взглядов, они обмениваются — и вовсе не чувствами, а мыслями.

После десерта Клер тщательно сложил салфетку, оттолкнул стул и устроился в низком кресле перед камином. Знаком предложив мне занять место напротив, он позвонил служанке, чтобы подали кофе. Ульна вышла, но вскоре вернулась, держа в руках сложенную вчетверо газету, которую Клер взял и протянул мне. Бегло просмотрев заголовки, я увидел, что это газета полугодовой давности, и уже намеревался вернуть ее Клеру, потребовав объяснений, как вдруг заметил внизу страницы заметку, обведенную красным карандашом:

И ВНОВЬ — «ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ!»

Канзас-Сити, 2 октября

Вчера, возвращаясь в сумерках с тренировочного полета на истребителе F-104, лейтенант Джордж К. Симпсон-младший заметил на высоте около 25 000 футов дисковидное пятно, которое стремительно перемещалось. Он начал преследовать неизвестный предмет и, сумев к нему приблизиться, увидел, что пятно представляет собой гигантский, с тонкими краями диск диаметром примерно тридцать метров при толщине в центре около пяти метров. Исходя из скорости собственного самолета, лейтенант Симпсон определил, что диск летел со скоростью, превышавшей 1100 км/ч. Преследование продолжалось уже минут десять, когда пилот вдруг понял, что таинственный предмет вот-вот пролетит над лагерем N..., над которым строжайше запрещено появляться любым неамериканским летательным аппаратам. Приказ на сей счет был категоричным, и лейтенанту Симпсону пришлось атаковать нарушителя. В тот момент он находился примерно в двух километрах от диска и чуть выше его. Пикируя на предельной скорости, он выпустил несколько боевых ракет. «Я увидел, — рассказывает Симпсон, — как мои ракеты взорвались, ударившись о металлическую обшивку аппарата. В следующую же секунду мой самолет разорвало на части, а сам я обнаружил, что лечу вниз в отделяемой кабине. К счастью, сработал парашют!» Эту сцену наблюдали с земли многочисленные свидетели; в настоящее время эксперты изучают обломки самолета лейтенанта Симпсона. Что же касается таинственного аппарата, то он исчез, вертикально взмыв в небо на огромной скорости.

Я вернул газету Клеру, заявив скептическим тоном:

— Я полагал, однако, что официальные доклады, с которыми американцы выступили после продолжительного расследования, подрезали этой «утке» крылья. Так нет же — оказывается, в нее все еще кто-то верит!

Мой друг ничего не ответил. Медленно покачав головой, он нагнулся, щипцами вытащил из камина уголек и тщательно раскурил свою трубку. Потом, сделав несколько затяжек, знаком попросил служанку налить кофе. Ульна от кофе отказалась. Мы с Клером выпили свой в полной тишине.

Клер колебался. Я хорошо его знал и потому чувствовал, что он все еще спрашивает себя, как ему поступить. Наконец он разлил по рюмкам коньяк, посмотрел мне в лицо и сказал:

— Как ты знаешь, я не совсем уж профан в физике. Известно тебе и то, что я реалист, «matter of fact»¹, как говорят англичане. Так вот, об этой «летающей тарелке» я могу рассказать тебе длинную историю. И не смотри на все эти бутылки, что стоят на столе. Возможно, их количество впечатляет, но, уверяю тебя, ко всему, что я собираюсь тебе рассказать, они не имеют ни малейшего отношения. Вовсе не алкоголь так на меня повлиял. Я давно уже решил рассказать тебе все при первой же встрече. А история моя вот какая... Устраивайся в кресле поудобнее, потому что, как я уже сказал, она будет длинной.

Я прервал его:

— Я ношу с собой в чемодане небольшой магнитофон. Могу я записать твою болтовню?

— Если хочешь — записывай. Это будет даже полезно.

Едва я установил магнитофон, Клер заговорил. В тот момент, когда он произносил еще только первые слова, мой взгляд упал на руку Ульны, лежавшую на подлокотнике кресла, и я понял, почему эта рука показалась мне такой удлинненной: на ней было всего четыре пальца!

Глава I

РАССКАЗ ДОКТОРА КЛЕРА

— Как тебе известно, я прекрасный охотник. Или, во всяком случае, считаюсь таковым, пусть и нечасто беру в руки ружье. Кое-какая природная сноровка, вкупе с крупным везением, — и в итоге я никогда не возвращаюсь домой с пустым ягдташем. Так вот, первого октября прошлого года — хорошенько запомни эту дату! — уже смеркалось, а я еще ничего не подстрелил.

¹ Здесь: человек, лишенный фантазии (англ.).

В другое время меня бы это ничуть не расстроило: я предпочитаю наблюдать за живыми животными, нежели убивать их, потому что и так, к сожалению, убиваю слишком много для своих опытов! Но третьего числа ко мне в гости должен был прийти мэ́р Руффиньяка — я пригласил его, так как нуждался в его содействии одному, теперь уже оставшемуся в прошлом проекту, — а этот тип любит дичь, вот я и решил немного побраконьерствовать при свете электрического фонарика.

Солнце только-только село, когда я шел через поляну Манью, что посреди леса. Ты знаешь ее не хуже, чем я: вся заросшая вереском и утесником, со всех сторон окруженная дубами и каштанами, днем она довольно живописна, но в сумерках производит зловещее впечатление. Я не из слабонервных, но шел быстрым шагом, спеша выбраться из лесу. Уже на краю поляны я зацепился ногой за корень, с размаху ударился головой о ствол дуба и тут же потерял сознание.

Очнувшись, я не стал произносить классического «где я?». Голова раскалывалась, в ушах гудело, и сначала у меня даже возникло опасение, что я проломил себе череп. К счастью, с ним все оказалось в порядке. Часы на руке показывали час ночи, кругом стоял непроглядный мрак; ломая ветки деревьев, свистел ветер. Потом, вынырнув из-за черноватого облака, над поляной показалась луна, окутавшая это облако волшебными светящимися кружевами.

Я сел и принялся искать ружье, которое, к счастью, разрядил незадолго до падения. Некоторое время я шарил руками среди мокрой травы и гнилых сучьев, потом наконец нашупал приклад. Опираясь на ружье, как на палку, я медленно распрямился; лицо мое в тот момент было обращено в сторону поляны. По мере того как я поднимался, поле моего зрения расширялось, и вот тогда я и увидел эту штуковину.

Сначала она показалась мне черной массой, чем-то вроде купола, возвышавшегося над кустами вереска и утесника и почти неразличимого в темноте. Затем луна на мгновение вынырнула из-за туч, и тогда я мельком увидел выпуклый, сверкавший, как металл, панцирь. Признаюсь тебе, мне стало страшно. От поляны Манью до ближайшей дороги напрямик через лес — добрых полчаса ходьбы, а с тех пор, как умер старый чудак, в честь которого названа поляна, там иной раз по неделям не бывает ни души. Я потихоньку двинулся вперед, добрался до края лесной чащи и, притаившись за одним из каштанов, принялся осматривать поляну. Все было не-

подвижно. Ни проблеска, ни огонька. Лишь эта огромная неясная масса — еще более плотная тьма на фоне черного леса.

Затем ветер вдруг стих. В тишине, едва нарушаемой потрескиванием сухих сучьев — видно, где-то далеко в лесу по тропе пробежал кабан, — я услышал слабые стоны.

Я все-таки врач и, хотя сам чувствовал себя неважно, не мог не прийти на помощь существу, которое стонало так, как стонет человек, а не зверь. Отыскав фонарик, я включил его, направил луч света прямо перед собой, и он отразился от огромного металлического панциря в форме чечевицы. Я приблизился к нему с бьющимся сердцем. Стоны доносились с другой стороны. Внезапно пробудившееся жгучее любопытство заставило меня позабыть о страхе, и я медленно, то и дело застревая в кустах, натываясь на колючки утесника, бормоча проклятия и на каждом шагу спотыкаясь — ноги все еще плохо держали меня, — обогнул панцирь. Стоны стали более отчетливыми, и я очутился перед металлической дверцей с открытым люком, который вел внутрь этой штуковины.

Мой фонарик осветил совершенно пустой узкий проход и уперся в заднюю дверцу из белого металла. На полу, тоже металлическом, полулежал человек, — во всяком случае, сначала я решил, что это человек. Его длинные волосы были совершенно белыми, одежда состояла, как мне показалось, из облегающего трико зеленого цвета, блестящего, словно оно было шелковым. Из раны на голове сочилась темная кровь. Когда я нагнулся над ним, стоны смолкли, он содрогнулся и умер.

Тогда я подошел к задней дверце. Она была подогнана так плотно, словно хода дальше не существовало, но я заметил справа, примерно на уровне пояса, красноватую выпуклость и нажал на нее. Перегородка разошлась посередине, и меня ослепил поток яркого голубоватого света. Ощупью я сделал пару шагов вперед и услышал, как створки перегородки сомкнулись за моей спиной.

Прикрывая рукой глаза от света, я медленно разомкнул веки и увидел перед собой шестигранную комнату диаметром около пяти метров и метра в два высотой. Стены были покрыты странными приборами, а посреди помещения, в трех очень низких креслах, лежали три существа, мертвые или потерявшие сознание, вследствие чего я смог рассмотреть их как следует.

Первым делом я убедился, что это все-таки не люди. В общих чертах их внешний вид аналогичен нашему: удлиненное тело, две ноги, две руки, круглая голова на пропорциональной шее. Но сколь-

ко же различий в деталях! Несмотря на высокий рост, телосложение гораздо более хрупкое, чем у нас; ноги тонкие и очень длинные, руки тоже значительно длиннее наших; кисти широкие, с семью пальцами разной длины, из которых два, как я узнал позднее, противостоят другим, как наш большой палец. Лоб узкий и высокий, глаза огромные, нос маленький, уши совсем крохотные, рот с тонкими губами, волосы белые, с платиновым отливом — все это придает лицу довольно странный вид. Но самое удивительное заключалось в том, что их шелковистая кожа была нежно-зеленой. Вся их одежда состояла из плотно облегающего трико, тоже зеленого, под которым ясно вырисовывались длинные гибкие мышцы. У одного из трех существ был открытый перелом руки, кровь сочилась из раны, образуя на полу темно-зеленое пятно.

Какое-то время я колебался, но затем подошел к тому, кто лежал ближе всех к двери, и прикоснулся к его щеке: она была теплой и упругой на ощупь. Отвинтив крышку своей охотничьей фляги, я попытался влить ему в рот немного белого вина. Результат не заставил себя ждать. Он открыл бледно-зеленые глаза, пристально посмотрел на меня, через пару секунд вскочил и бросился к одному из висевших на стене приборов.

Еще несколько лет тому назад я играл в регби, но, наверное, никогда в жизни мне не удавался столь быстрый бросок в ноги сопернику с последующим захватом. У меня в голове промелькнула мысль о том, что он бежит за оружием, а этого я допустить не мог. Он отбивался энергично, но недолго: я оказался сильнее. Когда он перестал вырываться, я освободил его и помог ему встать. Вот тогда-то и произошло самое поразительное: загадочное существо посмотрело мне прямо в глаза, и я почувствовал, как в голове у меня возникают чужие — не мои — мысли.

Как ты знаешь, некоторое время назад мне довелось сыграть определенную роль в споре, разгоревшемся между врачами нашего департамента и одним шарлатаном, который утверждал, что может лечить сумасшедших, заново формируя всю их психику посредством передачи мысли. Я написал на эту тему две или три статьи, ясно демонстрирующие, как мне казалось, что все это — беспочвенные бредни, и полагал, что закрыл вопрос раз и навсегда. Все это я говорю лишь для того, чтобы ты понял, почему в тот момент я был одновременно потрясен и раздосадован и в течение пары секунд мысленно посылая это существо — живое доказательство моей неправоты — ко всем чертям. Видимо, зеленый человечек это

понял: на его подвижном лице отразилось нечто вроде испуга. Я поторопился успокоить его, сказав вслух, что в моих намерениях нет ничего дурного.

Повернув голову, он увидел своего раненого товарища, подскочил к нему, взмахнул руками в жесте бессилия и, подойдя ко мне, спросил, не могу ли я чем-то помочь. Он не произнес ни слова, но мысленно я услышал голос без какого-либо тембра и акцента. Я подошел к раненому, вынул из кармана кусок веревки и чистый носовой платок, наложил жгут. Зеленая кровь перестала сочиться. Затем я попытался узнать, нет ли в их судовой команде врача. Он понял меня только тогда, когда я мысленно заменил слово «врач» словом «целитель».

— Боюсь, что он мертв, — ответил мне зеленый «человечек».

Он отправился на поиски врача, но вскоре вернулся один и дал мне понять, что и в других помещениях среди его товарищей есть немало раненых. Пока я колебался, не зная, как поступить, тот, кого я перевязал, тоже пришел в себя, за ним — другой, и я очутился в обществе трех существ из другого мира.

Враждебности они не выказывали: первый быстро объяснил, что произошло. Тогда-то я и понял, что, когда один не смотрит другому в лицо или немного удаляется от него, передачи мысли не происходит и они вынуждены говорить. Их речь представляла собой чередование очень быстрых сюсюкающих звуков разной тональности.

Тот, которого я привел в чувство — его имя можно передать на нашем языке как Суйлик, — исчез в коридоре, что вел к выходу, и принес оттуда труп судового врача.

До чего же странную ночь я провел среди них! До самой зари мне пришлось делать перевязки неведомым существам. Их было, не считая двоих погибших, десять, в том числе четыре «женщины». Как описать красоту этих созданий? Глаз очень быстро привыкает к необычному цвету кожи, и ты видишь только изящество форм и гибкость движений. Рядом с ними наш самый статный атлет оказался бы неуклюжим, самая красивая девушка — нескладной.

Помимо двух сломанных рук и различных ушибов, я обнаружил несколько ран, полученных, как мне показалось, в результате разрыва снаряда. Взяв себе в помощницы двух «женщин», я как мог обработал эти раны. В ту ночь я кое-что узнал об этих существах, но сейчас останавливаться на этом не буду, так как со временем мне довелось узнать куда больше!

Наступило утро, сырое и пасмурное. Небо было затянуто тучами, и вскоре по выпуклой обшивке их корабля забарабанили капли дождя. В минуту затишья я выбрался наружу и обошел аппарат. Он походил на совершенно гладкую, без видимых люков, чечевицу из неокрашенного полированного металла голубоватого цвета.

На противоположной от входа стороне зияли две рваные дыры около тридцати сантиметров в диаметре. Заслышав легкие шаги, я обернулся: то были Суйлик и двое его товарищей, несшие желтую металлическую трубку и несколько плит обшивки.

Ремонт занял совсем немного времени. Суйлик несколько раз провел желтой трубкой по краям разрывов. Я не заметил ни единой искры, однако металл быстро расплавился. Когда отверстия приняли нужную форму, на каждое из них была наложена плита, после чего Суйлик снова прошелся по обшивке желтой трубкой, предварительно чуть изменив ее регулировку. Плиты размякли и слились с броней так плотно, что я не смог обнаружить и намека на какой-либо шов.

Вместе с Суйликом я вернулся внутрь корабля и направился в помещение, расположенное под поврежденной частью купола. Внутренний слой двойной брони уже восстановили, но оборудование находилось в плачевном состоянии. В этом помещении, должно быть, располагалась лаборатория; посередине стоял длинный стол, заваленный осколками стекла, спутанными проводами и сложными приборами, три четверти из которых были разбиты или раздавлены. Склонившись над столом, один из зеленых «человечков», довольно-таки высокий, пытался восстановить соединения.

Суйлик повернулся ко мне, и я почувствовал, как мой мозг окутывают его мысли.

— Почему обитатели этой планеты напали на нас? Мы не сделали им ничего плохого, мы всего лишь хотели установить с вами контакт, как уже делали это на множестве других планет. Подобную враждебность мы встречали лишь в Проклятых галактиках. Двое наших были убиты, и нам пришлось уничтожить атаковавший нас летательный аппарат. Наш ксилл получил пару пробоин, мы были вынуждены приземлиться здесь, и эта посадка, отнюдь не мягкая, вызвала новые повреждения и новые раны. И мы все еще не знаем, сможем ли вообще улететь отсюда!

— Поверьте, я глубоко сожалею, что так все вышло. Но дело в том, что почти вся Земля сейчас находится в руках двух соперничающих империй, и любой неизвестный аппарат тут же прини-

мают за вражеский. Где вас атаквали? К востоку или к западу от этих мест?

— Чуть западнее. Но неужели вы все еще живете в эпоху междоусобных войн?

— Увы, да. Несколько лет тому назад одна подобная война залила кровью весь или почти весь наш мир.

«Человек» высокого роста произнес короткую фразу. Суйлик мысленно передал мне:

— Мы сможем улететь не раньше чем через двое суток. А сейчас уходите и сообщите обитателям вашей планеты, что, хотя мы настроены миролюбиво, у нас есть чем защититься.

— Я и в самом деле пойду, — сказал я. — Но не думаю, что в этих краях вам угрожает какая-либо опасность. В это время года здесь никого не бывает целыми неделями. Тем не менее во избежание малейшего происшествия я никому не стану рассказывать о вас. Если позволите, вечером я вернусь.

Я шел, спотыкаясь, под проливным дождем. Ноги мои вязли в грязи в заболоченных участках леса, мокрые ветки хлестали по лицу, а я все шел, размышляя об этом невероятном приключении. Но для себя я уже решил: как только стемнеет, вернусь.

Отыскав свою машину, я добрался до деревни. Старушка-кормилица, увидев меня, подняла громкий крик: кожа у меня на голове была глубоко рассечена, волосы почернели от запекшейся крови. Я рассказал ей выдуманную историю про несчастный случай на охоте, сам обработал рану, переоделся и с отменным аппетитом позавтракал. День показался мне ужасно длинным, и, как только начало смеркаться, я вывел из гаража машину, однако выехал лишь с наступлением полной темноты, стараясь держаться окольных путей.

Не желая, чтобы оставленная на дороге машина привлекла чье-то внимание, я загнал ее в лес и двинулся сквозь чащу в сторону поляны Манью. Отойдя от дороги на достаточное расстояние, я включил электрический фонарик: продираться в темноте сквозь колючие кусты мне совсем не улыбалось. Так, вполне благополучно, я добрался почти до самой поляны. От нее, словно от циферблата светящихся часов, распространялось очень слабое зеленоватое сияние. Я сделал еще несколько шагов, споткнулся о корень и с громким шумом упал, растянувшись во весь рост. В тот же миг, зашелестев, деревья и кусты наклонились мне навстречу, и когда я поднялся, то обнаружил, что не могу сделать и шага вперед.

Не то чтобы я чувствовал перед собой какую-то стену. Ничего подобного! Просто существовала какая-то граница, круг, отмеченный рядом наклоненных в мою сторону кустов и деревьев. По мере приближения к ним воздух становился вязким, потом быстро уплотнялся, хотя вся эта граница не была четкой или постоянной. Порой мне удавалось продвинуться на шаг-полтора, но затем меня мягко отбрасывало назад. К слову, каких-либо затруднений с дыханием я не испытывал. Все происходило так, словно из центра поляны, где лежала «летающая тарелка», исходили какие-то отталкивающие волны. Минут десять я бился, пытаюсь проникнуть внутрь круга, но тщетно. Прекрасно понимаю, какого страха натерпелся там на следующий день бедняга Буске. Но об этом ты еще услышишь.

В конце концов я стал звать на помощь, впрочем не особо повышая голос. Из «тарелки» вырвался яркий луч света и, пробившись сквозь ветви деревьев, осветил меня. В то же время эластичная стена передо мной словно поддалась, и я продвинулся метра на два. Затем она снова отвердела, и на сей раз я очутился внутри ее, не в силах ступить ни вперед ни назад. В лицо мне ударил сноп света. Ослепленный, я отвернул голову и от удивления раскрыл рот: в метре позади меня свет резко, будто обрубленный, обрывался, уже ничего не озаряя. Уверен, что если бы кто-нибудь стоял на его пути, но на несколько сантиметров дальше этого рубежа, наблюдатель не заметил бы никакого света. Позднее, на Элле, я видел и другие подобные чудеса, но в тот миг все это показалось мне совершенно неправдоподобным и противоречащим здравому смыслу.

Что-то коснулось моего плеча, и я снова обернулся лицом к поляне. Передо мной стояла одна из «женщин». У меня не было ощущения передачи мысли, однако я почему-то понял, что ее зовут Эссина и что она явилась за мной. К моему удивлению, на нашем пути не оказалось ни малейших преград, и уже через несколько секунд мы были у летательного аппарата.

Встретили меня с радушием и без всякого видимого недоверия. Суйлик ограничился тем, что передал мне:

— Я же говорил, у нас есть чем защититься!

Я спросил, как чувствуют себя раненые — всем стало намного лучше. После потрясения и сумятицы, вызванных вынужденной посадкой, хиссы — я говорил тебе, что они называют себя именно так? — очень быстро оправались и, словно в дополнение к оказанной мною первой помощи (не такой уж значительной, следует признать, — ведь тогда я вообще еще ничего не знал об их анато-

мии и физиологии), пустили в ход свой чудесный генератор биотических лучей, о котором я расскажу чуть позднее.

Внутри корабля все уже было приведено в порядок, но многие из сложных приборов «лаборатории» по-прежнему представляли собой груды обломков. Высоченный хисс, которого звали Аасс, лихорадочно работал там вместе с двумя другими мужчинами и одной женщиной. Я заметил на его зеленом лице точно такое же выражение озабоченности, какое бывало у моего отца, когда его не удовлетворяли собственные расчеты. Внезапно он повернулся ко мне и передал:

— Можно ли найти на Земле два килограмма вольфрама?

Разумеется, здесь не было ни слова «Земля», ни слова «килограмм», ни слова «вольфрам», но тем не менее я безошибочно понял смысл вопроса.

— Пожалуй, это будет трудно, — подумал я вслух.

Он всплеснул руками, а затем передал:

— В таком случае мы обречены вечно жить на этой планете!

Одновременно с этой мыслью я уловил и волну охватившего его отчаяния.

— Нет-нет, — сказал я, — вы меня не так поняли.

Одним из моих пациентов был владелец замка «Скала», бывший директор литейного завода. Он часто демонстрировал мне свою коллекцию особых сталей и редких металлов, среди которых был и вольфрам. Этот металл очень тяжел, и небольшой его кусок из коллекции моего пациента вполне мог потянуть на два килограмма. Самым трудным было уговорить его уступить этот образец. Но даже в случае его отказа вольфрам можно было бы найти в другом месте, правда уже не так быстро.

По мере того как я передавал свои соображения, лица хозяев корабля прояснились. Я пообещал заняться этим делом с утра и, чувствуя, что мешаю им работать, отправился в обратный путь. Преграду я преодолел без каких-либо затруднений, если не считать деликатного, но сильного толчка в спину, полученного мной при выходе из круга.

В замок «Скала» я явился в девять утра. Моего пациента на месте не оказалось. С замирающим сердцем я объяснил цель своего визита его жене, сославшись на важный и срочный лабораторный опыт. Нет, кусок, выставленный на витрине, не весил двух килограммов, но тот, что находился в шкафчике под витриной, оказался даже тяжелее. Она согласилась одолжить вольфрам с тем условием, что я верну его не позже чем через месяц. В конечном

счете, как ты сам увидишь, я вернул ей его через неделю, вернее, не его, а другой, точно такой же.

Полагая, что моим таинственным друзьям он необходим как можно скорее, я прямо из замка помчался к поляне Манью. Отталкивающего круга уже не было. Меня встретил Суйлик, которому я и передал образец. Сам я с ними не остался — на двенадцать часов у меня была назначена встреча с мэром, — но мы условились, что весь следующий день, последний день их пребывания на Земле, как они полагали, я проведу в «тарелке», так как у хиссов имелось множество вопросов о нашей планете. Я же, в свою очередь, намеревался предложить им вернуться на Землю, сев в каком-нибудь безопасном месте. В тот момент я думал о плато Кос, Сахаре и тому подобном.

За обедом я был крайне рассеян. Один из моих фермеров в конце концов принес столь необходимого мне для трапезы зайца. Мэр пребывал в самом благодушном настроении, однако я даже не подумал этим воспользоваться. Мне удалось собраться с мыслями и в какой-то мере прийти в себя, лишь когда подали кофе и наливку.

Около четырех пополудни, когда мы уже поднимались из-за стола, в дверь позвонили. Не знаю почему, но я почувствовал, что сейчас произойдет нечто весьма неприятное. То был Буске, довольно-таки мерзкий тип, браконьер и бродяга. Он желал поговорить с господином мэром.

Мгновенно повеселев от столь неожиданной просьбы — обычно Буске старательно избегал всех, кто более или менее походил на представителя власти, — мэр спросил у меня, можно ли ему принять Буске прямо здесь, в моем доме:

— Мы разделаемся с ним в один миг, а потом сможем серьезно обсудить наши собственные дела.

Естественно, я согласился, и Буске провели в дом. Мы с ним были знакомы: пару раз мне доводилось оказывать ему врачебную помощь, разумеется бесплатную. В благодарность за это он показал мне несколько мест, где водилась дичь.

Даже не поздоровавшись, чуть ли не с порога, Буске заявил:

— Господин мэр, на поляне Манью завелись черти!

Должно быть, я побледнел. Стало быть, моих «друзей» обнаружили!

— Черти? Что еще за выдумки? — фыркнул мэр, который, будучи бонвиваном и кутилой, уж точно не являлся суеверным человеком.

— Да, господин мэр! Черти. Я видел их собственными глазами.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИШЕЛЬЦЫ НИОТКУДА. Роман. Перевод Ф. Мендельсона	5
ЭТОТ МИР — НАШ. Роман. Перевод Ф. Мендельсона	171
НАША РОДИНА — КОСМОС. Роман. Перевод А. Григорьева	359
РАССКАЗЫ	
Пятна ржавчины. Перевод Л. Самуйлова	553
Какая удача для антрополога! Перевод Л. Самуйлова	567
Окно в прошлое. Перевод Л. Самуйлова	579
Бог, который приходит с ветром. Перевод М. Безгодова	586
В Утопии так скучно. Перевод Л. Самуйлова	605
Тот, кто вышел из Большой Воды. Перевод Л. Самуйлова	651